

Воспоминание! Красивое слово.

Вспомнишь одно — будет один человек.

Вспомнишь другое — другой.

Вспоминать — воссоздавать, а точнее, создавать заново прошлое.

Линейна ли память?

Да нет, пожалуй.

Мы часто переставляем события, путаем сны с действительностью, литературу с жизнью, принимаем желаемое за бывшее.

А бывшее забываем.

Сомневаемся.

«Сомнение» — вот чудное слово!

Я бы сказал — принцип.

Принцип нарратива.

Или еще лучше: творческий метод.

Воспоминание бесконечно — фрагмент без начала и конца еще одной, «иной» реальности.

Как сновидение, безумие или искусство.

Пока хотя бы один из нас еще жив, прошлое не умерло. Лишь дремлет.

Разбуженное воспоминаниями, оно, как ветер занавеску, шевелит настоящее и еще не случившееся будущее.

И врата по имени «Мгновение» скрипят.

ПРОШЕДШЕЕ ВРЕМЯ
НЕСОВЕРШЕННОГО ВИДА

Кладезь

В юности, читая любимые книги, я часто думал:

— До чего же у этих счастливых авторов было яркое, насыщенное событиями детство.

Кладезь для литературного творчества.

Я рассуждал:

— Если вдруг решу написать книгу, что я могу почерпнуть из моей обыкновенной, стандартной детской жизни?

Нюрка

У нас была молоденькая домработница Нюрка.

По утрам Нюрка мыла и одевала меня.

Однажды, увидев, что простыня мокрая, она пригрозила, что все скажет девочке Диде, приглашенной вечером на мой день рождения.

Я с криком вцепился в Нюркины волосы.
После этого мы каждое утро дрались.

Сквозь чугунную решетку

Умер профессор Карл Круг, живший этажом ниже.

Нюрка решила, что ребенку необходимо показать покойника.

Сверху, сквозь чугунную решетку перил я увидел, как вынесли гроб.

В гробу неподвижно лежал человек с белым лицом, окруженный цветами. Вокруг толпились заплаканные родственники.

Вернувшись домой, я стал приставать к домашним с бесконечными вопросами.

К моему удивлению, взрослые не на все вопросы сумели ответить.

Открытка на память

Как-то раз, оставив меня одного в песочнице, Нюрка пошла на свидание с солдатом.

Через меня перепрыгнула огромная немецкая овчарка в железном наморднике по кличке Дуглас.

Я подумал, что это волк, и онемел.

После этого мне два года восстанавливали речь в специальной школе.

Обнаружив, что я нем, родители выгнали Нюрку.

Прощаясь, мы обнимались и плакали. Нюрка мне подарила открытку, раскрашенную анилиновыми красками, на память о себе.

Я храню ее до сих пор.

Я хотел быть как «все»

Лет до пяти я не знал, что еврей, пока мальчишки во дворе не начали меня дразнить.

Пожаловавшись маме, к своему огорчению, обнаружил, что и вправду еврей и что мама и папа — тоже евреи, и даже бабушка и четыре сестры — евреи.

Я хотел быть как все.

Но «все» не хотели признавать меня «своим».

Мелкий вредитель

Утром я надел чистенькие темно-коричные чулки в рубчик.

Ловко пристегнул резинками к лифчику. Взял ножницы и аккуратно вырезал на них дырки разного диаметра.

— Ты опять вырезал дырки на новых чулках! — возмутилась мама.

— Мамочка, честное слово, они так порвались, — бессовестно врал я.

Мама не верила.

— Мелкий вредитель, — в духе времени комментировал отец.

Предательство

В детском саду я влюбился в девочку с пепельными кудрями по имени Наташа.

Не зная, что бы такое придумать, предложил ей дружно снять штанишки и обменяться впечатлениями.

Нас «накрыли» и сурово наказали. Вместо того чтобы играть и веселиться, мы должны

были целый день оставаться в спальне, каждый в своей кровати.

Наташа «стукнула» воспитательнице, что я был заводилой, и перестала со мной разговаривать.

Это было первое предательство в моей жизни. Я очень переживал.

На прогулке

На прогулке я оказался в паре с симпатичной девочкой Катей.

Девочка повздорила со мной и обозвала евреем. Увидев мою реакцию, она сказала:

— Что ты обижаешься? Еврей и дурак — это одно и то же.

Старье берем!

— Старье берем! — раздавался голос с улицы. Взрослые кидали человеку с мешком всякий хлам. Дети выносили из дома во двор, что плохо лежит.

Девочкам старьевщик дарил медные колечки.

Я представлял, как поздно ночью старичок снимает лохмотья. Зажигает свет. И вынимает из мешка добытое старье.

Среди барахла блестят золотые монетки.
Сверкают драгоценные камни.

Читая «Буратино»

Читая «Буратино», в Стране дураков я тотчас узнавал Америку.

Кто бы мог подумать, что однажды там поселюсь.

Сердце остановилось

Я играл и с криком залетел к отцу в кабинет, явно помешав ему работать.

Папа отложил рукопись, вынул пистолет и, наставив его на меня, сказал:

— Если не уберешься — застрелю!

Я почувствовал, как сердце остановилось от страха.

Неужели это было?

Пещера Аладдина

В пять лет отец повез меня в Ленинград.

Мы пришли в Эрмитаж. Я был в восторге, чувствуя себя в волшебной пещере Аладдина.

Вскоре мне захотелось в туалет. Мы побежали к выходу.

Мимо проносились сокровища, доспехи, картины.

— Папа, мы вернемся? — спрашивал я на бегу.

Мы не вернулись. Фильм оборвался.

Я был заинтригован.

Так у меня появился интерес к искусству.

Я поверил в себя

В детстве мне представлялось, что на свете есть два Бога — Ленин и Сталин.

Сталин все-таки был главнее.

Увидев портрет Отца народов в газете, я старательно его срисовал простым карандашом в свой альбом.

Домашние, увидев шедевр, впервые оценили мой талант.

Я поверил в себя.

Святой дух

Однажды отец сказал, что покажет Сталина.

Посадил на плечи, и мы отправились на первомайскую демонстрацию.

На Красной площади почудилось, что вождь на меня взглянул.

Моей жене повезло меньше. Ее папа, Юрий Георгиевич, тоже решил приобщить детей к народу и пойти посмотреть военный парад.

Святой дух этого не допустил: только вышли из дома, голубь накакал на папину шляпу.

Слиться с массами не удалось.

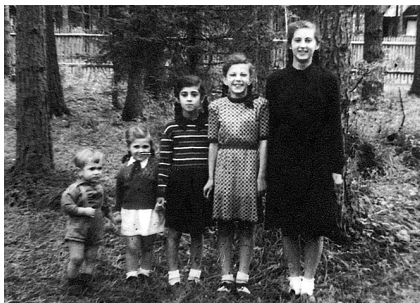
Вернулись домой.

Кукольное воскресенье

Самой волшебной игрой в детстве был домашний кукольный театр.

Выгнав меня из комнаты, сестры сооружали кулисы. Когда все было готово, меня — единственного зрителя — впускали и усаживали на стул.

Вход за кулисы был строго запрещен.

Представление начиналось.

Знакомые игрушки, включая сильно потрепанную куклу, привезенную отцом из Германии, оживали.

С одной стороны, было понятно, что за занавеской происходит подстроенный сестрами обман.

С другой — чудесное кукольное воскресение было налицо.

Я пребывал в замешательстве.

Наигравшись с куклами, сестры брались за меня.

Нарядив в одно из лучших платьев, мне завязывали красивый бантик на голове.

Идеал

Родители отвели меня в школу.

Во дворе нас встретила женщина с благородным седым пучком и в шерстяной вязаной шали, накинутой на плечи.

Звали учительницу Марь Иванна.

Я горячо ее полюбил. Марь Иванна казалась идеалом и совершенством. Никого не было мудрее, добрее и красивее на свете.

Во втором классе Марь Иванна покрасилась в неудачный коричневый цвет.

Идеал померк, тотчас превратившись в глупую, злую, полуграмотную тетку с крошечны-

ми глазками-уголками и вострым торчащим носиком.

Один раз

Один раз рано утром прибежала наша соседка Ляля.

Вся в слезах, она прорыдала, что Сталин умер и завтра начнется война. Враг, зная, что нас никто уже не может защитить, тотчас воспользуется случаем.

В школе нас отпустили с уроков.

На переменке

Во втором классе мальчиков и девочек объединили.

Я тотчас влюбился.

На переменке девчонки, включая предмет моих тайных вздыханий, столпились вокруг классного журнала, забытого Марь Ивановой на столе. Заглянув в конец, где помещались анкетные сведения об учащихся, они выкрикивали:

Баринов — русский!

Яшин — русский!

Назаров — татарин!

Сейфулин — татарин!

Затаив дыхание, я наблюдал в открытую дверь.

— Брускин — еврей!

Раздался звонок. Я вошел в класс, и мне показалось, что девочки иначе посмотрели на меня.

Поэт

В четвертом классе я подумал:

— Влюбленный человек должен писать стихи.

Завел толстую тетрадь и накатал два десятка произведений, лихо рифмуя слова типа «молю-люблю».

Перечитав, добавил для солидности стихи о Ленинграде, в котором побывал в пятилетнем возрасте.

Получилось недурно.

В девятом классе мне попала на глаза сокровенная тетрадка. Устыдившись, я уничтожил ее.

А вот Рафаэль

Большинство мужчин в моем детстве были военные.

Демобилизоваться из армии было чрезвычайно трудно. Художник Митя Лион рассказывал, что полжизни не мог избавиться от погон.

Мой отец тоже носил форму. Приехав после войны из Берлина, он привез немецкий автомобиль вишневого цвета — «Опель-Капитан».

Идя как-то по делу к своему боссу, академику, генерал-полковнику Кулебякину, отец прихватил меня с собой. Дом был заполнен картинами, рисунками и скульптурами.

Вот это — Леонардо да Винчи, — комментировал хозяин.

А вот — Рафаэль.

Мечта жизни

В шесть лет меня, малолетку, отправили в пионерлагерь.

Чтобы утешить, отец подарил мне «мечту жизни» — солдатскую флягу.

На следующий день заезда я взял флягу и решил попить. Отвинтив крышку, я отпрянул: драгоценный подарок был до краев злодейски наполнен мочой.

Он тоже не верил

Мальчишки после отбоя взахлеб объясняли друг другу, как делаются дети.

Как мне советовала мама в таких случаях, я выбрал интеллигентного на вид мальчика и сказал ему:

— Я не верю в эти сказки. А ты?

Он тоже не верил.

Мы стали держаться друг друга.

За честность

В лагере я дружил со своим ровесником — родственником Ленькой.

Однажды мы с Ленькой весело катались на карусели. Неожиданно нас окружили «бандиты» из старшего отряда.

Самый главный, с наколкой, по нашему разумению — уголовник, подошел к нам вплотную

и не предвещавшим ничего хорошего тоном спросил:

— Евреи?

Я понимал, что, если скажем «евреи» — убьют на месте.

Если скажем «нет», позор покроет наши головы на всю жизнь. Приготовившись к смерти и холодея от ужаса, я произнес:

— Евреи.

Бандит полез в карман и протянул мне конфету, сказав:

— Это тебе за честность.

Пытка

Отец преподавал в Московском энергетическом институте.

Как-то раз меня некуда было девать, и он взял сынка с собой на работу.

Мы зашли в омерзительное помещение: на стенах висели стенды со множеством неприятных приборов и счетчиков. В воздухе стоял отвратительный металлический запах.

Посередине громоздилась кабина самолета-бомбардировщика. Посадив меня на место летчика, папа сказал:

— Если ты нажмешь на вот эту красную кнопку — все взорвется, — и ушел читать лекции.

Оцепенев, я целый час просидел, неотрывно глядя на гнусную кнопку, преодолевая желание надавить на нее.

Я едва выдержал.

Курчавый, шоколадный

Мне очень хотелось увидеть настоящего, курчавого, шоколадного негра.

Мечта сбылась.

В костюме и шляпе заокеанский «товарищ» проплыл в сантиметре от меня по нашей обыкновенной улице Казакова. Обезумев от счастья, я побежал домой.

Взрослые почему-то остались равнодушны к сенсации.